

Дискуссии «на полях»: по материалам архива секторских обсуждений

Н.С. Автономова

Речь в статье идет о некоторых особенностях интеллектуальной жизни сектора теории познания в Институте философии (с 1977 г., ранее — диамат). Дискуссии «на полях» — это сомнения и вопросы на полях рукописей, которыми обменивались сотрудники сектора перед коллективным обсуждением чьей-то работы. Карандашные наброски, сделанные Н.Н. Трубниковым и Б.И. Пружининым на полях или оборотах моей рукописи, позволяют судить не только об их стиле письма и вовлеченности в чужой текст, но и о темах — рациональности, кризисе культуры, синкретических образованиях в динамике культуры, не потерявших своей актуальности и ныне. Особое значение имеет для нас изучение того, каким образом концептуальные несогласия, переживаемые в экзистенциальном модусе человеческой привязанности, участвуют в выработке того, что можно было бы назвать соизмеримостью, общим проблемным полем. Внутри сектора противоречивое и даже апорийное участвовало в мыслительной динамике, хотя не все моменты взаимодействия людей и концепций могут быть прописаны логически. Пространство сектора содержало различные причудливые конфигурации индивидуальных концепций (эпистемология «постмодернизма», которая во всех других интеллектуальных местах считалась либо несуществующей, либо ничтожной). Разнообразии эпистемологических подходов и одновременно подспудный поиск возможных форм гармонизации между концептуальным и человеческим при всех поворотах внешних контекстов делает труды сектора и его «жизненный мир» актуальным предметом современной философии и истории науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискуссии, маргиналии, сектор теории познания, эпистемология, рациональность, синкретизм, время человеческого бытия, постмодернизм.

АВТОНОМОВА Наталия Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

avtonomovanatalia@gmail.com

Статья поступила в редакцию 2 июня 2018 г.

Цитирование: *Автономова Н.С.* Дискуссии «на полях»: по материалам архива секторских обсуждений // *Вопросы философии.* 2018. № 10. С. 20–30.

Я пришла в аспирантуру сектора в 1969 г., когда Владислав Александрович стал заведующим. В секторе у каждого из нас своя история. Среди нас есть «чистые» философы — выпускники философских факультетов, предназначенные профессионально к своей миссии быть философами. Я не являюсь «чистым философом». Я пришла в философию из филологии с особым интересом к тому, что можно назвать методологией гуманитарных наук, к тому, что сейчас входит в рубрику философии науки. И с тех пор все, что со мной происходило, случалось под влиянием философских импульсов, исходивших от моих дорогих коллег. А поэтому, когда я сейчас говорю что-то о себе, то я отношу наиболее интересное и значимое из того, что я делаю, прежде всего, к сектору, вижу в себе одну из его функционирующих ипостасей.

Я закончила МГУ по романо-германской филологии и мечтала учиться дальше, но на защите диплома произошел скандал из-за публикации моей (совместной с М.Л. Гаспаровым) статьи о сонетах Шекспира в переводах Маршака, кумира советского переводческого искусства, с критическим анализом переводов. Преподаватели увидели в ней непозволительную критику переводчика-кумира, и я поняла, что в аспирантуру по филологии меня не примут ни за что, хотя рекомендацию дали. Счастливый случай свел меня с Татьяной Вадимовной Васильевой, которая в то время работала в секторе и занималась переводами Платона и Аристотеля, и она сразу сказала: есть такой замечательный сектор, пиши вступительный реферат! Оказалось, что в Институте в тот год почему-то был особый интерес к «предметникам», которые хотели бы заниматься философией и методологией науки. И это был как раз мой случай. Реферат я писала с трепетом (главным образом про «методологические» трудности в работе над дипломом), а когда пришла с ним к Владиславу Александровичу в сектор, меня встретили очень хорошо. Осенью я удачно сдала экзамены и поступила в аспирантуру. Вместе со мной на курсе были Игорь Меркулов, Татьяна Клименкова, яркие люди. За пределами института, в нефилософском сообществе, хотя бы немного фрондерском, отношение к диамату и истмату было настороженное, всех кормили этими материями насильно и, как правило, неумно. Откуда людям было знать, что такое на самом деле наш сектор и наш институт!

Но уже очень скоро я поняла, что именно в секторе, именно в Институте философии можно было делать гораздо больше, чем в других институтах гуманитарного знания того времени. Скажем, Лотман, как теперь известно по архивным материалам (см.: [Пильщиков 2012]), так и не смог опубликовать статью «Структурализм в литературоведении», написанную для Краткой литературной энциклопедии, несмотря на все переделки «по замечаниям» (в том числе: «Где у вас тут философская критика?»), и это был самый конец 1960-х. Но уже в самом начале 1970-х мои статьи о Фуко [Автономова 1972] и Лакане [Автономова 1973], тогда первые в отечественной философии, были приняты в журнал «Вопросы философии». Правда, многое публиковалось с трудом. Вся моя тематика, связанная с французским структурализмом, была на острие проходимости, и я регулярно получала нагоняи даже по мелким поводам (так, статья о Деррида в один абзац в энциклопедическом словаре вызывала критику сотрудника Института философии, профессионального борца с антикоммунизмом Е.Д. Модржинской с трибуны ученого совета как раз за отсутствие «критики»). Я написала книгу по французскому структурализму [Автономова 1977], которая каждый раз «случайно» выпадала из институтских планов издания и только с помощью В.А. Шукова, возглавившего философскую редакцию «Науки» (см.: [Пружинин 2018, 17]), в конце концов попала в издательство. А потом еще и получила премию Ленинского комсомола. Это было удачей и, насколько мне известно, принесло пользу сектору: злопыхателям всегда можно было показать, какие у нас молодые кадры... Правда, бывали и другие случаи. Еще до публикации книги Э.Г. Юдин хотел взять мою статью про обоснование знания в структурализме в ежегодник «Системные исследования», но директор Института истории естествознания и техники С.Р. Микулинский забраковал ее как «немарксистскую», после чего, несмотря на все детективные интриги, провести ее в печать не удалось, набор рассыпали; правда, потом она вошла в ту самую книгу, получившую премию! Вот такие бывали пируэты. Все это я рассказываю о себе, но и общую ситуацию это освещает.

В жизни сектора, в его атмосфере были особые черты. Сектор был очень неидеологичным и по проблематике, и по интересам, и по складу характеров. А еще удивительное качество – творческое разнообразие людей и идей. Люди спорили, но не ссорились; Никитин или Ильенков могли объясняться так: «Я не согласен с идеями диссертации вашего аспиранта, но она прекрасно написана, и я рекомендую ее к защите». И еще, можно сказать, «бытовой» демократизм. Ни в Швейцарии, ни во Франции, ни в Канаде я с подобным не сталкивалась в аналогичных институциональных структурах. Когда в сектор приезжали высокие люди, Владислав Александрович представлял сектор без субординации: вот аспирант такой-то, вот членок такой-то...

Переименование с диалектического материализма в теорию познания, по-моему, принципиально ничего не изменило, разве что обеспечило большее соответствие имени институции делам сотрудников: сектор как рефлексивное ядро теоретической философии, которая, как оказывается, может развиваться и в идеологическую эпоху. А произошло это переименование в 1977 году, для меня очень важным: вышла моя первая книга, о которой упоминалось, и перевод книги Фуко «Слова и вещи». Для меня доминантным всегда был вопрос об объективности, возможной и достижимой в гуманитарном познании, — вопрос «на стыке» философии и науки. Мне странно, когда говорят: зачем нам «философские вопросы» каких-то там наук? А вот я очень хотела этим заниматься, «философские вопросы естествознания» навязли в зубах, а «философских вопросов гуманитарных наук» как тематической рубрики в каталогах «Ленинки» (ныне РГБ) вообще не существовало. Так что тема моей первой книги — «философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках», да еще на материале французского структурализма, тогда совершенно не известного, — была нетривиальной. Тем более что «структуралисты» в 1960–1970-е гг. достаточно глубоко изложили многое из того, что потом стало называться неклассической эпистемологией, а я пыталась уловить философский смысл этой новой проблематики наук о человеке. Вообще, как я думаю, гуманитарное познание, особенно филология, моя начальная область, дали философии немало подсказок и стимулов, ведущих к осмыслению таких проблем, как интерпретация, понимание, перевод, непереводаемость и др.

Некоторые особенности жизни и работы сектора теории познания могут показаться удивительными представителям других секторов Института и других учреждений. Например, далеко не везде все сотрудники сектора обсуждают ту или иную книгу или диссертацию — обычно это делает кто-то назначенный из сотрудников, а потом принимается коллегиальное решение. И уж конечно нигде (не представляю, где еще такое могло бы быть!) сотрудники сектора не вникают в представленные на обсуждение произведения своих коллег так, как если бы это было нечто жизненно важное для них самих, так, будто они читают написанное их «значимыми другими». А Владислав Александрович всегда умел и умеет подвести итоги любого самого сложного обсуждения так, что обсуждаемому и сопresentствующим становилось, наконец, понятно, где главное, где второстепенное, что необходимо исправить и почему это нужно сделать. Именно так было в секторе, так читали чужие тексты Е.П. Никитин, В.С. Швырев, Н.Н. Трубников, Б.И. Пружинин и др., следы их чтения остались на полях моих рукописей. Возвращаясь к этим отрывочным записям, я словно погружаюсь в дискуссии тех лет, вспоминаю более широкий контекст обсуждений и могу сказать из дня нынешнего, что маргиналии эти не потеряли своей актуальности. Они очень о многом могут нам сегодня сказать: и о том, какие вопросы волновали моих коллег тогда, и какие из их вопросов стали для меня наиболее значимыми, и какие из неотвеченных или просто прошедших незамеченными в то время вопросов требуют ответов сегодня.

В данном случае я хочу поделиться фрагментами обсуждения машинописного варианта моей рукописи «Разум. Язык. История» (1981–1982 гг.), это один из вариантов большого текста (ставшего, в итоге книгой «Рассудок. Разум. Рациональность» [Автономова 1988]). В то время тексты распечатывались в четырёх экземплярах под копирку и потом раздавались для прочтения, причем читавшие подчас передавали свой экземпляр другим, так что заметки в тексте наслаивались друг на друга. Так случилось и с моей рукописью. Я представлю здесь ее план (с постраничной пагинацией) [Архив Автономовой, 2] и рукописные замечания на полях машинописи, сделанные Н.Н. Трубниковым и Б.И. Пружининым¹.

План рукописи

ВВЕДЕНИЕ 1–30

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Проблема рациональности 31–91

§ 1. Тематизация и проблематизация разума 31–50

§ 2. Рациональное – эмпирическое 50–67

§ 3. Рациональное – иррациональное 68–76

§ 4. Контрпроцессы. Контуры образа новой рациональности 76–91

ГЛАВА ВТОРАЯ. Проблема синкретических образований сознания как формы бытия новой рациональности 93–118

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Проблема языка и некоторые парадоксы рациональности 119–198

§ 1. Проблема языка как следствие кризиса общения. Типология трактовок языка 123–136

§ 2. Бессознательное и язык: эпистемологические аспекты 137–153

§ 3. Понимание и язык 153–189

§ 4. Вместо заключения: о метафоре 190–198

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Проблема истории 199–273

§ 1. Историческое знание и историческое сознание. Три пути бегства из истории: время, статика, сиюминутность 199–221

§ 2. Выход в средневековье 221–239

§ 3. Выход в миф 240–262

§ 4. Смена моделей объяснения: от биологизма и лингвоцентризму 262–273

ГЛАВА ПЯТАЯ. Теория познания и теория сознания 274–²

§1. Наука в системе культуры

§2. Теория познания в контексте других форм и уровней сознания

§3. Градации конкретизаций гносеологической проблематики

От науки к знанию

От знания к понимаю

От понимания к опыту культуры

Проблема рациональности стала общей практически для всей отечественной теории познания того времени. Это была захватывающая тема, в которой работали и многие сотрудники Института философии (в том числе и нашего сектора [Пружинин 1986; Пружинин 2009; Мудрагей 1985; Мудрагей 2002; Никитин 2004; Швырев 2003] и, конечно, Лекторский: он писал об этом в целом ряде работ [Лекторский 2001]). В рукописи я пыталась, критически осмысливая соответствующие концепции, представить эту проблему по-своему, через язык как динамическую структурирующую силу. Каждый из участников обсуждения концентрировался на том, что было созвучно с его исследовательским интересом, а потому Б.И. Пружинин, занимавшийся проблемой целостности теории, обратил внимание на главу вторую (о синкретизмах), а Н.Н. Трубников, писавший о проблеме времени человеческого бытия, – на четвертую (о «бегстве из истории»). Читавшие вкладывались в работу, вникая в мой текст так, словно он не был для них чужим, они относились к нему с презумпцией смысловой наполненности. Для секторских обсуждений был характерен особый стиль: замечания высказывались не к авторским промахам и ошибкам, но к тексту, который существовал в возможности (критика направлялась на прояснение и уточнение смысла текста).

Б.И. Пружинин был готов терпеливо вникать в те гипотетические построения, в которых я пыталась зафиксировать состояние европейской философской мысли второй половины XX в., столкнувшейся с новой «неклассической» реальностью. В отличие от концепции «трех авторов» (М. Мамардашвили, Э. Соловьева и В. Швырева)³, которые закончили свое построение в основном на середине XX в., я пыталась тогда сформулировать основные тенденции второй половины XX в., когда «чистые» варианты – какими некогда были неопозитивизм (критико-рефлексивная тенденция) и экзистенциализм (этико-гуманистическая тенденция) – оказались в состоянии кризиса. Я пыталась в рукописи охарактеризовать те новые «размывания» и «радикали-

зации», в результате которых старые дихотомические образования сглаживаются, новые моменты заостряются, происходят разнообразные скрещивания и пересечения феноменологического и лингвистического, персонологического и структуралистского, возникают синкретические формы мысли (которые я отличала от эклектических). Они становятся своего рода лабораторией для определения взаимозависимости и взаимовыживаемости разнородных тенденций.

Правки Б.И. Пружинина заострены конструктивно и позитивно: он старается предугадать «целое» и содействовать его созданию, предлагая различные трансформации в структуре текста. Советует заинтересованно. Все делается в интересах общего замысла. «Вообще же я думаю, — пишет он, — что если ты делаешь шаг вперед, оглянись, уточни и дополни схему трех авторов. Иначе твоя работа будет не конкретизацией, а иллюстрацией» [Архив Автономовой, 11 об.]. Как раз это я и пыталась делать в вышедшей тогда статье «В поисках новой рациональности». «Как правило, — рассуждала я, — под “синкретизмом” понимается *внутренне недифференцированная целостность* — таков синкретизм первобытного искусства или эллинистической культуры. По аналогии можно сказать, что классический рационализм — это образец *внутренне дифференцированной целостности*, то есть система в собственном смысле слова, а рассматриваемая нами постклассическая эпоха буржуазного сознания — это *внутренне дифференцированная нецелостность*, или же синкретизм, в нашем словоупотреблении. Как правило (хотя и не всегда!), синкретизмы возникают в результате распада концептуальных систем и представляют собою те или иные методологические или мировоззренческие ориентации, обрастающие противоречивыми им примесями и дополнениями» [Автономова 1981, 151] Делаю попытку выстроить категориальные различия между эклектическими, синкретическими и целостными образованиями в поле сознания и познания.

В рукописи я использовала это уточненное понятие синкретизма в начале второй главы: «Список признаков, характерных для современных неорационалистических исканий, приведенный в конце предыдущей главы, лишний раз свидетельствует о том, что перед нами не система сколько-нибудь подобная системе классического рационализма, нечто совсем иное по своему строению и функциям. Эти мыслительные образования можно назвать “синкретическими”. Мы используем здесь термин “синкретический”, пытаюсь показать отличия этих мыслительных образований как от “синтетических”, на одном полюсе, так и от “эклектических”, на другом» [Архив Автономовой, 92]. (Привожу эту цитату без учета авторской правки, сделанной мною после замечаний коллег.)

Б.И. Пружинин задает более широкие и вместе с тем более артикулированные приемы и способы обсуждения этих вопросов: «...а что такое *эклектика*?! Что такое эклектизм? Или я чего-то не понимаю, или ты определила эклектические образования — соединение четко дифференцированных, но не связанных внутренне элементов. И эту несвязанность мы можем констатировать благодаря определениям, т.е. дифференциациям. Или я чего-то не понимаю! Б.П.» [Архив Автономовой, 92].

Приведу «целостный» фрагмент рукописи (мое рассуждение без учета моей поздней авторской правки и отклики Бориса Пружинина в угловых скобках), чтобы показать, как из этого письменного общения вырастает нечто гораздо большее, чем какой-то ситуативный отклик, оттачиваются формулировки, способные «схватить реальность в динамике», как пишет Борис.

Я делала вывод: «Говоря о “синкретических образованиях культуры”, мы тем самым воздерживаемся от априорной констатации абсолютной негативности этих форм — эта констатация неизбежна, если речь идет об эклектичности, <а почему, собственно, не негативная оценка? Ты это покажешь?> мы фиксируем некое полуинтуитивно ощущаемое единство явлений и аспектов явлений... <т.е. неопределенное единство, что свидетельствует об их недостаточной дифференцированности. Дифференциация — интеграция. Нет одного, нет и другого. Если есть дифференцированность, а единства нет, то это значит, что элементы были определены четко вне дан-

ного образования и сведены в него внешним образом. Это эклектика. Если есть единство, но нет дифференцированности частей, то это значит, что части дифференцируются и определяются, но целое еще не способно воспроизводить себя, т.е. не способно еще воспроизводить предпосылки своего возникновения как *свой собственный* (частями постигаемый) результат и, стало быть, так же поддерживается извне, хотя и не встречает сопротивления по иной мерке дифференцированных частей. В этом случае — синкретизм. И эклектика и синкретизм могут рассматриваться как абсолютизированные ракурсы, моменты, аспекты становления целого. Различимы ли они формально? (Формально они неразличимы.) Но если есть тенденция к целому — синкретизм, т.е. *еще* недостаточно дифференцированная целостность, еще не до конца переделанные части. Если же тенденции нет — эклектика — сведение не данным целым дифференцированных элементов. Отсюда задача: схватить реальность в динамике. Б.П. — Говоря, что формально синкретизм и эклектика неразличимы, я не точен. Синкретизм (и здесь *ты права*) *стремится* к действительному синтезу, выражает это стремление. И потому в нем идет напряженный поиск предпосылок, оснований целостности. Синкретизм акцентирует *взаимоизменение* взаимодействующих частей, фиксирующих основания своего нового бытия. Он *предполагает* целостность. Но именно по этой причине он *не* удовлетворяется “дифференцированной нецелостностью”, суммативностью. Суммативное целое удовлетворяет эклектику! Содержательная оценка буржуазной философии с этой точки зрения каждый раз требует особого рассмотрения. Что выдвигается в ней на первый план: дифференцированность заимствованных из классики готовых частей или новая целостность и трансформация частей. Этот поиск может быть охарактеризован и в терминах эклектики и в терминах синкретизма. В случае синкретизма предполагается более высокоразвитое целое (в возможности), и речь должна идти о факторах (пока внешних, но становящихся внутренними) целостности» [Архив Автономовой, 93–94].

От темы синкретизмов я потом отошла, хотя она маячила где-то на горизонте сознания. Однако у меня было ощущение, что проблематика таких «интеллектуально-социальных» синкретических образований, актуальных способов формирования мысли в современном мире набирает значимость, а не теряет ее, причем синкретизация выходит на новые уровни, она ярко проявляет себя в соотношениях имен, концепций, понятий в общем познавательном пространстве, нарастает во второй половине XX в. и в начале XXI. Мне всегда казалось несколько странным, что никто не удивляется и специально не исследует формы синкретизации тенденций и имен, когда на одной странице текста или даже в одной фразе могут присутствовать Бахтин, Выготский, а теперь еще и Лотман, у которого, оказывается, одно из важнейших понятий «дискурс» (как когда-то было у Бахтина/Волошинова, переведенного на французский), американские деконструкционисты социально-психологической ориентации (Герген, Шоттер и другие), а уж «постструктуралистским» или «постмодернистским» французам (Фуко, Деррида, Делезу, Серру и др.) и карты в руки — с них начинается и ими кончается любое обсуждение. Как связаны все перечисленные и другие герои? Значит ли, что мы имеем дело здесь с внезапным «праздником возрождений» всех их в Большом времени? Или это намек на какие-то дефекты анализа, или на возникновение новых способов соединения отдельного — даже не в структуры, но в массы, клубки, где отсутствие некоторых связей игнорируется: каких и почему? Для меня уже в 1981 г. было очевидным: «...чтобы такая синкретизация некогда полярных принципов стала (логически) возможной, требовалось, чтобы сами эти принципы потеряли прежнюю устойчивость и определенность. Это и произошло в 60-е годы, когда одновременно и параллельно с распространением структуралистского подхода в различных областях социально-гуманитарного знания неопозитивистская программа логического исследования языка науки была подорвана ростом интереса к историческому и социальному контексту формирования научного знания, а последовательно индивидуалистический экзистенциализм стал обращаться к анализу социальных механизмов, хотя бы на уровне межгрупповых взаимодействий (“Критика диалектического разума” Сартра)» [Автономова 1981, 148].

Совсем недавно подтвердилось, что проблематика эта никуда не делась. В ответ на мое выступление на обсуждении докторской диссертации Е.О. Труфановой, она поддержала мои сомнения и удивления: «Спасибо! Это очень интересно, мне кажется, и об этом надо говорить (и писать)». А потом в электронной переписке уточнила: «По поводу вот этого смешения (Е.О. Труфанова считала деконструкционизм радикализацией постмодернизма или постструктурализма, и я обратила на это внимание. — *Н.А.*), хотя я достаточно поверхностно, тем более по сравнению с вами знакома с французским “постмодернизмом” (объединяю за неимением лучшего способа как-то их увязать воедино), у меня есть гипотеза, что это отчасти происходит из-за североамериканцев, которые берут сюжеты и образы французских постмодернистов, постструктуралистов и прочих, но добавляют к ним чисто американский подход — всю эту тему борьбы за права, политкорректности и т.д. и вот эта американская интерпретация приводит к этой “радикальной” и синкретической версии». И в самом деле, проводить любые «этико-политические» радикализации французского материала можно, только если совершенно забыть о той значимой вертикали, которая в нем отрицалась, но оставалась значимой (трансцендентальный субъект, экзистенциальный субъект). Только тогда можно целиком переключаться на группы угнетения, доминирования и др. Получается, что нечто слишком существенное для заимствуемой концепции надо в ней забыть, чтобы обратиться к ее внешним нынешним целям. Это вопрос о цене потерь в процессе приобретений, и он не может быть проигнорирован. Мой обмен чувствами и мыслями с Еленой Труфановой происходил в интернет-переписке, то есть на другой технологической основе, нежели «маргиналии» или заметки на полях, которыми мы вынужденно ограничивались раньше, но суть дела от этого не меняется. Как сказала Труфанова: «Вот мы с вами в переписке почти мини круглый стол провели!»

Совсем иная эмоциональная и интеллектуальная тональность правки и замечаний у Н.Н. Трубникова. В четвертой главе я рассматривала новое отношение к времени, сложившееся в философии и гуманитарной науке XX в., а также характерные для писателей-мыслителей того времени (Г. Гессе, Дж. Джойса, Т. Манна и др.) формы «бегства» из социально-политической истории — в «чистое» время, в миф, в сиюминутность. Николай Николаевич не только излагает свою позицию, он предостерегает, вторгается в текст, вводя параметры времени и вневременного, распадаения времен и привычных отношений с пространством: «Еще одна возможность: “выход из игры”; из времени в вечность, отказ от соучастия, прежде всего духовного соучастия в *этой* истории, своеобразный “тишизм”, в котором материальное (физическое, телесное) пребывание в этой, уже чужой и чуждой, истории рассматривается индивидом как игра, маскарад, карнавал (отсюда и возрождение интереса к карнавалному в XX веке, во второй его половине индивид лишь изображает (представляет в маске) участника исторического действия). Его “я” пребывает вне его. Отсюда и его поиск *иных* исторических размерностей, его погружение в иные эпохи, в поиск *иных* собеседников (Сократ, Христос, Будда и т.д.), в сущности в поиск для себя *иных* современников. Время распадается. Эмпирическое, физическое, протекающее за окном уже не совпадает с тем, что течет в четырех стенах моего жилища, или моей камеры, или (в некотором пределе) выворачивается наизнанку: четыре стены камеры обнимают уже не внутреннее пространство камеры, но внешнее, прежде внутреннее выходит в широкий мир безграничного бытия. Может быть, это ты и называешь выходом в “чистое время”. Но ведь чистого времени нет. Оно всегда есть время чего-то. Вечность же, это не просто очень много времени, но выход за его пределы, выход во вневременный (а потому и всевременный) простор духовного бытия. Постигание вечности есть преодоление (в себе) душевного духовным. (Зашел я куда-то не туда. Просто хотел с тобой поговорить.)⁴ [Архив Автономовой, 214–214 об.].

По тону, структуре и смыслу реплики Н.Н. Трубникова видно, что он полон мыслей о времени человеческого бытия и о смысле жизни: он продолжал работать над этими темами и после того, как его книга о человеческом времени была «зарублена» институтским начальством (она была опубликована лишь посмертно). Он рассматривает не физическую сущность времени, но его философскую мировоззренческую состав-

ляющую. И вместе с тем он говорит с болью душевной и заботой о том, к кому он обращается. То есть он ставит свои вопросы остро и персонализировано. Для Трубникова не существует заданного смысла человеческой жизни, человек сам придает своей жизни определенный смысл. Он подчеркивает, что выход из ситуации кризиса европейской культуры и науки Нового времени невозможен без трансформирования ориентаций и установок самой науки, но также искусства, политики, права, морали. Иначе говоря, эпистемологические вопросы неразрывно сплетены у него с экзистенциальными. И дальше он пишет о «кризисе научного разума» [Архив Автономовой, 12], о необходимости преодоления тех узких теоретических форм понимания рациональности, которые свойственны западной цивилизации, он призывает искать, понимать, формулировать, воплощать мировоззренческие ориентации человеческого бытия и человеческого духа. Новые контуры рациональности необходимо искать, потому что старые дискредитировали себя в истории: «Господи! да ведь не теоретическая задача здесь ставится, не научная в духе XIX века, в терминах которого ты ведешь свою критику. Это поиск Бога, нужда насущнейшая в Новом Завете, ибо Новый Завет Евангелий уже не работает, как не работает евангелие от Жан-Жака, евангелие от Вольтера, Дарвина, Маркса и т.д. Как Диоген “днем с огнем” искал Человека, так современный мир “днем с огнем” ищет и не находит *своего Бога*. И не на Востоке — они своего не потеряли. Потеряли мы на Западе своего ветхозаветного — туда ему и дорога — очень уж он возлюбил жертвы всеожжания. Ведь это только на поверхности, в том числе и на языковой поверхности реакция, движение вспять (ре-волюция в собственном смысле). А не на поверхности это действительно *поиск новой рациональности*, ибо прежняя дискредитировала себя, вся, без остатка, вся наша цивилизация. И интерес к “средневековью”, якобы возрождение христианства, буддизма и проч. — это попытка проникнуть в дух эпох сходных с нашей, таких же драматичных, трагичных, “безвыходных” и нашедших выход. “Куда, куда нам плыть?” — вот вопрос. Не “как” — это мы умеем — а куда?» [Архив Автономовой, 220–220 об.]

Рассматривая кризис научного разума как аутоиммунное разрушение целого, Трубников призывает отличать «достоинство знания» от «паразитирующих на нем» современных форм его получения, преобладающих в современной науке и приводящих (в том числе) к разрушению общества в целом: «Наука — это раковая опухоль, вырастающая на теле культуры. Клетка ее (исход.) вместо того, чтобы включаться в обмен веществ организма, оставаясь частью его целостности, превращает его целостность в свою часть. И это, действительно, болезнь и организма, и самой клетки, ибо стратегия ее поведения такова, что, обрекая на гибель организм, на котором она паразитирует, она обрекает на гибель и себя. Но я говорю здесь не о знании, достоинство которого достаточно высоко, но о той форме его приобретения, которую мы имеем в современной науке. Если эта форма не будет преодолена, то нас всех ждет гибель. Поэтому для меня поиск новой рациональности вне существующих форм науки, хотя и остается в пределах знания и познания. А что ты скажешь?» [Архив Автономовой, 286].

Я, конечно, не могла согласиться с однозначной и почти «анархической» оценкой европейской науки XIX в. и современной — оценки ее как «безблагодатной религии»; слишком важны для меня были те стороны мысли — скажу об объективном — которые давало человеку научное познание как сторона культуры, выходящая за рамки заданных социокультурных пространств. Но это как раз и хорошо, что я что-то принимала, а с чем-то не соглашалась, ведь разного рода диссимиляции несколько не менее важны для коммуникативных и познавательных процессов и для жизни вообще, чем ассимиляции. Несогласие и противодействие — это тоже форма общения, взаимного внимания и, конечно, помощи в становлении. Не могу не отметить, что трубниковская картина организма культуры, в котором современные формы науки порождают аутоиммунную болезнь, близко перекликается с анализом аутоиммунных процессов в социуме у позднего Жака Деррида [Автономова 2011], хотя у последнего речь идет не о науке в культуре, но о специфических процессах в современном социуме.

Если уж обращаться к нашим архивам, сохраняющим память в более свежем и четком виде, нежели некоторые теперешние фантазии о прошлом, теряющие стиль времени, скажу также, что свой архив я рассматриваю как «случай», а его изучение — как case study в той мере, в какой мне удастся рефлексивно отнестись к следам памяти как одному из ресурсов сегодняшних размышлений. Сектор теории познания позволяет мне делать это. Например, заниматься весьма своеобразной эпистемологией гуманитарных наук и эпистемикой структурализма и постструктурализма, в том числе тех авторов, которых принято считать антиэпистемологическими, как Деррида.

Самое интересное в этой «архивной» истории: главы, на которые обратили внимание Пружинин и Трубников, я формально удалила из окончательного варианта книги. Но сегодня, я думаю, этот материал может послужить основанием для обсуждения весьма актуальных проблем современной эпистемологии в нашем секторе.

Примечания

¹ Все подчеркивания в приведенных архивных выдержках выделены курсивом.

² Далее страницы в плане отсутствуют.

³ Имеется в виду статья [Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1970–1971]. Я переосмысливала этот текст и его вклад в становление современной отечественной эпистемологии в тексте [Автономова 2009].

⁴ О «разговорах» в секторе см.: [Пружинин 2018].

Источники — Primary Sources in Russian

Архив Автономовой — Автономова Н.С. Разум. Язык. История [Рукопись, 1981–1982 гг.] [Avtonomova, Natalia S. (1981–1982) Mind. Language. History].

Автономова 1972 — Автономова Н.С. Концепция «археологического знания» Мишеля Фуко // Вопросы философии. 1972. № 10. [Avtonomova, Natalia S. Michel Foucault's Conception of *Archaeological Knowledge* (In Russian)].

Автономова 1973 — Автономова Н.С. Психоаналитическая концепция Жака Лакана // Вопросы философии. 1973. № 11. [Avtonomova, Natalia S. Jacques Lacan's Psychoanalytic Conception (In Russian)].

Автономова 1977 — Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977 [Avtonomova, Natalia S. Philosophical Problems of Structural Analysis in the Humanities (Critical Outline of the French Structuralism Concepts) (In Russian)].

Автономова 1981 — Автономова Н.С. В поисках новой рациональности. Опыт типологической характеристики некоторых тенденций современного буржуазного сознания // Вопросы философии. 1981. № 3. С. 145–156 [Avtonomova, Natalia S. In Search of a New Rationality. The Experience of the Typological Characteristic of Some Modern Bourgeois Consciousness Trends (In Russian)].

Автономова 1988 — Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988 [Avtonomova, Natalia S. Reason. Mind. Rationality (In Russian)].

Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1970–1971 — Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления) // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 23–38; 1971. № 4. С. 59–73 [Mamardashvili, Merab K., Solovjev, Erich Yu., Shvyrev, Vladimir S. Classical and Modern Bourgeois Philosophy (Experience of Epistemological Comparison) (In Russian)].

Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1972 — Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972. С. 28–94 [Mamardashvili, Merab K., Solovjev, Erich Yu., Shvyrev, Vladimir S. Classics and Modernity: Two Epochs in the Development of Bourgeois Philosophy (In Russian)].

Мудрагей 1985 — Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное. Историко-теоретический очерк. М.: Наука, 1985 [Mudragey, Nelli S. Rational and Irrational. Historical-theoretical Essay (In Russian)].

Пружинин 1986 – *Пружинин Б.И.* Рациональность и историческое единство научного знания. М.: Наука, 1986 [Pruzhinin, Boris I. Rationality and Historical Unity of Scientific Knowledge. (In Russian)].

Ссылки – References in Russian

Автономова 2009 – *Автономова Н.С.* «Статья трех авторов» в свете опыта пост-современности: сопоставительные заметки // На пути к неклассической эпистемологии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2009.

Автономова 2011 – *Автономова Н.С.* К вопросу о призраках: Маркс, Деррида и другие // Политико-философский ежегодник. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 2011. С. 134–154.

Лекторский 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Мудрагей 2002 – *Мудрагей Н.С.* Очерки истории западноевропейского иррационализма. М.: Наука, 2002.

Никитин 2004 – *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся все-ленная? М.: РОССПЭН, 2004.

Пильщиков 2012 – *Пильщиков И.А.* Невышедшая статья Ю.М. Лотмана «Структурализм в литературоведении» // Русская литература. 2012. № 4. С. 46–69.

Пружинин 2009 – *Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контурь культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009.

Пружинин 2018 – *Пружинин Б.И.* Сектор теории познания как тип философского общения, или О роли знания в культуре // Вопросы философии. 2018. № 10, С. 13–19.

Швырев 2003 – *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 10. P. 20–30

***Ad marginem* Debates: on the Archive Materials of the Department's Discussions**

Natalia S. Avtomova

The article presents some peculiarities of Theory of Knowledge Department's intellectual life in the Institute of Philosophy (from 1977, before – “dialectical materialism”). “Debates on the margins” are doubts and questions on the sides of manuscripts that were in exchange between staff members of the Department before a collective discussion of someone's work took place. The fragments of archive documents of N.N. Trubnikov and B.I. Pruzhinin (pencil drafts on pages' margins and backs), that are given here, allow to judge not only on the style of writing and involvement in the text, but also about the topics, that have not lost their actuality: rationality, crisis of culture, syncretic formations in the dynamic of culture. The study of how conceptual disagreements experienced in the existential modus of human attachment, take part in the outputting of what could be called commensurability, the common problem field, has a special importance for us. Inside the Department controversial and even aporical took part in the thinking dynamic, although not all the moments of people and conception interaction could be marked logically. The Department's space contained various peculiar configurations of personal conceptions (epistemology of “postmodernism”, that was considered either non-existent, or nonimportant in all other places). The diversity of epistemological approaches and at the same time latent search of possible forms of harmonization between conceptual and human, in the face of all external context turns, makes the Department's works and its lifeworld an actual object of modern philosophy and history of science.

KEY WORDS: discussions, marginalia, the Department of Theory of Knowledge, epistemology, rationality, syncretism, the time of human being, postmodernism.

AVTOMOVA, Natalia S. – DSc in Philosophy, chief research fellow at the Department of Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

avtomovanatalia@gmail.com

Received at June 2, 2018.

Citation: Avtomova, Natalia S. (2018) 'Ad marginem Debates: on the Archive Materials of the Department's Discussions', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 20–30.

DOI: 10.31857/S004287440001150-0

References

- Avtomova, Natalia S. (2009) 'The paper of the three authors in the light of the experience of post-modernity: comparative notes', *Towards a nonclassical epistemology*, IF RAN, Moscow (In Russian).
- Avtomova, Natalia S. (2011) 'On the question of ghosts: Marx, Derrida and others', *Political-philosophical yearbook*, 4, IF RAN, Moscow, pp. 134–154 (In Russian).
- Lektorsky, Vladislav A. (2001) *Epistemology is classical and non-classical*, Editorial URSS, Moscow (In Russian).
- Mudragei, Nelli S. (2002) *Essays on the history of Western European irrationalism*, Nauka, Moscow (In Russian).
- Nikitin, Yevgeniy P. (2004) *Spiritual world: an organic cosmos or a dispersing universe?* ROSSPEN, Moscow (In Russian).
- Pilshchikov, Igor A. (2012) 'Unedited article Yu.M. Lotman', *Russian literature*, 4 (2012), pp. 46–69 (In Russian).
- Pruzhinin, Boris I. (2009) *Ratio serviens? Contours of cultural and historical epistemology*, ROSSPEN, Moscow (In Russian).
- Pruzhinin, Boris I. (2018) 'The Department of Theory of Knowledge as a Type of Philosophical Interaction, or on the Role of Knowledge in Culture', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 13–19 (In Russian).
- Shvyrev, Wladimir S. (2003) *Rationality as the value of culture. Tradition and modernity*, Progress-Traditsiya, Moscow (In Russian).